

Художнику удалось точно передать слова Акафиста «пастухи слышат поющих ангелов». Но роспись Дионисия — не только иллюстрация первых строк. Мастер Ферапонтовских фресок передал саму форму песнопения, его ритмичность, радостную настроенность его возгласов. В его фреске звучат слова лирической части песнопения: «небесная срадуются земным», «земная сликовствуют небесным». Вся композиция — песня в зрительных образах. В ритме линий, в нежных, словно приглушенных тонах красок, в благоговейных жестах Марии и пастырей, в фигуре глубоко задумавшегося Иосифа столько гармонии, что живопись воспринимается как музыка. Гармоничность росписей Дионисия передает восприятие художником мира, в котором он видит красоту и упорядоченность.

Греческие и южнославянские живописцы, используя иконографические схемы древних евангельских циклов, представляли живые, полные драматизма сцены и вводили в них элементы жанра.³⁰ Дионисий писал свои росписи в традициях русского искусства школы Андрея Рублева. Он создавал обобщенные, лаконичные композиции, чуждые обыденности, но полные мысли и чувства. Таковы его Бегство в Египет и Сретение (песни 11 и 12 Акафиста).

Бегство в Египет изображает икос 6 — «Воссиявший во Египте просвещение истины». Сцена полна покоя. Богоматерь, сидя на белом ослике, держит младенца на руках. Впереди идет Иаков, сзади — Иосиф. Мафорий на Богоматери особенно интенсивного темно-малинового цвета, а горки на заднем плане кажутся исполненными сверкающего света. Этот свет, исходящий от Богоматери, по мысли художника, принес «просвещение истины», отогнал «лжи тьму», низверг идолов, изображенных в виде маленьких, темных фигурок демонов, падающих со стен города, символизирующего Египет. Средствами живописи Дионисий выразил веру в победу света и правды.³¹

В то же время Дионисию чужда присущая повествовательным частям самого песнопения отвлеченность, которая зачастую приводила художников к столь же отвлеченным, надуманным композициям.³² Характерно, например, что он изображает кондак 3 (песню 4) «Сила высшего осени тогда к зачатию...» сценой Благовещения, а не символическим изображением Воплощения, которое мы видим на многих миниатюрах.³³

Росписи Ферапонтова храма отличаются спокойствием, уравновешенностью. В них нет сильной экспрессии. Но они и не статичны. Напротив, каждая линия передает легкое, сдержанное движение, полное грации.

Больше всего движения в сцене путешествия волхвов на слова кондака 5 (песня 8). Оно передано не только развевающимся плащом последнего всадника, поэю первого волхва, указывающего рукой вверх и оборачиваю-

³⁰ См.: И. Е. Данилова. Иконографический состав..., стр. 122—123.

³¹ У южнославянских художников за жанровыми деталями пропадало победное наступление света на тьму. В Дечанах, например, Богоматерь, сидя на ослике, оборачивается к идущему сзади Иосифу и протягивает руки к младенцу, который в свою очередь тянется к ней. Иаков ведет ослика за уздцы. Из города выходят две фигуры в царских одеждах. В Болгарском акафисте свет передан многоцветным ореолом вокруг младенца, что не соответствует в целом очень жизненно переданной сцене.

³² Так, иллюминатор Греческого акафиста № 429, воспроизводя песню 11, изобразил Богоматерь, идущую в сиянии к городу. Евангельский эпизод, воспринимавшийся как конкретный исторический факт, он заменил отвлеченным символом.

³³ Например, в Греческом, Болгарском и Сербском акафистах, в росписях Маркова монастыря. Эта традиция сохранилась и в XVII в. (Грузинский акафист, роспись Афона). В русских памятниках, как и в Ферапонтове, изображалось Благовещение.